

УДК 811.161.1'42'373.23

Номинации лиц в художественном дискурсе как хранилище социокультурной информации

Шеверина О.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Актуальность исследования обусловлена активизацией интереса лингвистов к особенностям функционирования литературных антропонимов и апеллятивов в художественном тексте и их способности характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит благодаря актуализации коннотативных и ассоциативных значений.

В статье рассматривается социокультурная составляющая прагматического компонента семантики номинаций лиц в художественном дискурсе. Выбор номинации лиц в качестве объекта исследования определяется фактом соотношения человека в сознании и культуре народа с ядром социокультурного контекста. Доказывается, что литературные антропонимы, апеллятивная лексика и вариативные формулы номинации лиц в художественном дискурсе способны образовывать единую номинативную систему персонажей, которая отражает реальные модели именования, принятые в обществе, детерминированные взаимодействием человека с другими людьми, и представляет собой центральное звено в накоплении и передаче социокультурной информации.

Ключевые слова: номинация лиц, литературный антропоним, апеллятив, художественный дискурс, прагматический компонент, социокультурная информация.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 147–152)

Nomination of Persons in Literary Discourse as Storage of Social and Cultural Information

Sheverinova O.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The research is relevant due to the increase of linguists' interest in the features and functions of literary anthroponyms and appellatives in the literary text and their ability to characterize the social class character, to transfer national and local flavor thanks to the updated connotative and associative values.

The article deals with the social and cultural factor of the pragmatic component in the semantics of personal nominations in literary discourse. The choice of personal nomination as the object of the study is determined by the fact that human consciousness and national culture correlate with the core of social and cultural context. It is proved that literary anthroponyms, appellative lexicon and divergent formulas of personal nomination in the literary discourse are capable of forming a unified system of nominative characters that reflects actual naming models, adopted in society and determined by the interaction with the other people, and is a central element in the accumulation and transmission of social and cultural information.

Key words: nomination of persons, literary anthroponym, appellative, literary discourse, pragmatic component, social and cultural information.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 147–152)

Адрес для корреспонденции: e-mail: olsheverinova@yandex.ru – **О.В. Шеверина**

Выбор именованья человека определяется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами в силу того, что человек, являясь центром социокультурного контекста, может быть обозначен множеством имен (не только собственных, но и нарицательных) в зависимости от того, какую социальную позицию он занимает, к какому социальному слою он принадлежит, как он поступает, в каких отношениях состоит с другими людьми, какими личностными и внешними чертами обладает и т.д.

Социальная природа имени человека отмечалась многими учеными. Особое место в лингвистическом учении о теории имени занимают работы таких выдающихся философских мыслителей, как П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев. В своих трудах они размышляют об имени во взаимосвязи с сущностью человека, отмечая, что имя – это нечто большее, чем сам человек. Имя, по мнению П.А. Флоренского, выступает как особый, самозамкнутый мир, как категория бытия, социальный императив [1]. А.Ф. Лосев, разрабатывая систему логической конструкции имени с диалектических позиций, писал: «Имя есть жизнь, ... только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления» [2, с. 33].

Наиболее детальную разработку положение о социальности личного имени получило в труде российского лингвиста В.А. Никонова «Имя и общество» [3]. Ученый соотносит личное имя с социальным знаком, паролем, обозначающим принадлежность носителя к тому или иному общественному кругу. Имя, по его мнению, не только разделяет, но и вводит в ряд, связывая носителя с другими носителями того же имени и с той группой общества, в которой они приняты.

М.В. Горбаневский в своих исследованиях наряду с именем подчеркивает и социальную значимость фамилии, которой принято дорожить, так как в «истории существует много примеров, когда лишение фамильного имени сопровождалось и лишением определенных социальных прав» [4, с. 140].

По мнению Б.О. Унбегауна, имена для окружающих «оказываются значимыми постольку, поскольку отражают определенную традицию наименования, принятую в той или иной социальной среде. Соответственно, имя может выступать как социальный знак, как социальная характеристика человека – это относится как к личному, так и к фамильному

имени» [5, с. 336]. Социальными причинами обусловлено и существование параллельных систем личных имен (официальное именование, разговорные формы, псевдонимы и т.д.).

Таким образом, можно говорить о том, что система имен в реальной жизни испытывает на себе влияние многих социальных факторов в ходе исторического развития социума и, следовательно, кодифицирует и сохраняет различные грани отношений человека к обществу и место в нем человека.

Говоря о художественном дискурсе и функционировании в нем системы имен лиц, необходимо отметить, что текст занимает в его пространстве особое место, так как признается коммуникативной единицей высшего уровня и отражает действительность, которая становится как бы вторичной в силу влияния индивидуального авторского замысла, стиля и целенаправленного подбора имен для героев произведений. В силу этого возникает вопрос о том, способна ли система именования персонажей так же, как и имена людей, функционирующих в реальной действительности, актуализировать в прагматическом компоненте семантической структуры определенную социокультурную информацию и служить тем самым хранилищем и способом выражения экстралингвистических социокультурных отношений между людьми.

Целью данной статьи является установление особенностей функционирования номинаций лиц в художественном дискурсе с выделением социокультурной составляющей в их прагматическом компоненте.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили контекстные единицы, представленные антропонимами и апеллятивными именованиями лиц в повести В.П. Астафьева «Последний поклон». Общий объем проанализированного материала составил 530 номинативных единиц (общее количество употреблений – более 5500 тысяч).

Методологическая база исследования сформирована статистическим, качественно-количественным методами, методом сплошной выборки, систематизации и каталогизации материала, этимологического и контекстуального анализов.

Результаты и их обсуждение. Литературные имена, как полагает Г.О. Винокур, – это «особый модус ономастической действительности» [6, с. 245], т.к. система имен лиц формируется в соотношении как с антропонимической системой, современной автору, так и с

историческим периодом, отраженным в произведении. Ю.Н. Тынянов отмечает, что «каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое оно способно» [7, с. 27]. В силу этого литературные персонажи получают способность заключать в себе своеобразные сигналы, которые указывают на внутренний мир, взаимоотношения, социальный статус, культурный уровень героев, а в своей совокупности выполняют функцию социальной и культурной памяти, концептуализируя и определенным образом окрашивая информацию о реальной действительности.

Докажем это на основе анализа собственных и апеллятивных именовании в творчестве В.П. Астафьева. Ядро художественной системы писателя и процесс ее развития определяют такие основные произведения, как «Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты». «Последний поклон» – это автобиографическая проза о детстве, включающая 32 рассказа, в которых создается коллективный образ крестьянского мира сибирской деревни Овсянка (родная деревня В.П. Астафьева). В рассказах выявляется около 150 действующих лиц. В качестве личных имен героев в повести используются они-мы, которые были распространены на территории Сибири и соответствуют временному периоду, отраженному в произведении. Сами формы личных имен вводят в социальную среду произведения, передают специфику речи, уровень образования, социальные связи и роли, взаимные отношения жителей деревни: *Гутя (Августа), Дуня, Дунька (Евдокия), Агашика (Агафья), Акульша (Акулина), Васеня (Василиса), Катька (Екатерина), Капалина (Капитолина), Ксюха (Ксения), Лийка (Лия), Полька (Полина), Ванька (Иван), Вихторь (Виктор), Сенофонт (Ксенофонт), Левонтий (Леонтий), Митрий (Дмитрий), Митроха (Митрофан), Федоран (Федор)* и под.

Варьирование формами имен и моделями именовании разной структурной организации по отношению к действующим лицам в повести указывает на их социальные статусы и социальные роли и служит для выражения разнообразных субъективных оценочных отношений к героям. Как правило, модели именовании «личное имя + отчество», «фамилия + личное имя + отчество» свидетельствуют о достигнутом высоком социальном статусе героев. Такой герой, как представитель большой социальной группы, занимает в социальной иерархии более высокое положение во взаимоотношениях

с другими членами данной группы: 1. *Главный механик Астафьев Николай Васильевич, вас просит зайти...* [8] 2. *Алексей Алексеевич, – обратился профессор к пожилому врачу...* [8] 3. *Мастер у нас – Виктор Иванович Плохих* [8] 4. *Виктор Петрович, ты у нас человек большой, грамотный, подскажи ты нам насчет оркестра* [8] 5. *Уже работая над этой книгой, я узнал, что звали наших учителей Евгений Николаевич и Евгения Николаевна* [9].

Модели именовании «личное имя (в полной форме или гипокористическом варианте)», «отчество», «фамилия», «фамилия + имя (в полной форме или гипокористическом варианте)» служат для указания на личный статус, т.е. на положение индивида в малой группе (семья, соседская общность, бригада и т.д.). Форма именовании зависит от того, как оценивают героя члены данной группы в соответствии с его личными качествами, что привносит в имя эмоционально-модальный оттенок для выражения личного отношения субъекта к называемому лицу: 1. *Васька, Вовка и Люба росли сами собой* [9]. 2. *До войны на красноярском стадионе «Локомотив» свирепствовали все большие братья: то Бочковы, то Зыковы, то Чертеняки...* [8] 3. *Я узнавал по голосам Нюру Сидоровскую, Катю и Нюру Бобровых, Нину Шахматову, Лену Юшкову, Тоню Вычужанину...* [9] 4. *Я, Петровна, слободу люблю!* [9]

Нейтральная по субъективной оценке модель «личное имя + отчество», используемая при общении в малых группах, благодаря авторским преобразованиям в повести довольно часто приобретает положительные или отрицательные эмоционально-оценочные коннотации: 1. *Крупному, молчаливому человеку, земному в деяниях и помыслах, Илье Евграфовичу противостоял чернявый, вспльщивый, легкий на ногу, руку и мысль, одноглазый дед Павел* [9]. 2. *А вот и жена моя, Васеня, Василиса Семеновна!* [9] 3. *Какая-то свояченица под названием Капитолина Васильевна прибыла из Игарки* [8]. Как видно из приведенных примеров, контекст и подбор автором соответствующих характеристик героев создают семантическое поле разнообразных коннотаций, передающих отношение окружающих к герою: в первом случае – уважительное, во втором – добродушно-ироническое, в третьем – пренебрежительное.

Особым образом именуются члены семьи честного и работающего рода Потылицыных, который на протяжении всей повести противо-

поставляется «гулевому» роду прадеда главного героя Якову Максимовичу Астафьеву по прозвищу Мазов, «где жили по присловью: ни к чему в доме соха, была бы балалайка!» [8, с. 335]. Имена представителей рода Потылицыных практически всегда несут положительные коннотации. Так, например, употребление вариантов официальной модели именования и различных форм имени Лидия (*Лидия, Лида, Лидинька, Лидия Ильинична, Лидия Ильинична Потылицына*) с только положительной экспрессией однозначно определяет положение героини Лидии Ильиничны в обществе и передает неопределимую значимость, какую она занимала в сердцах родных и жителей деревни: 1. *Восемнадцать лет его женили на Лидии Ильиничне Потылицыной, девушке доброй, домовитой, из большой семьи, которая держалась своим трудом на земле, жила землею, как говорила с гордостью бабушка моя Катерина Петровна* [9]. 2. *При слове «Лидинька» у меня закипело в груди, слезы начали подниматься к глазам, и я хотел их, слез-то, утешения какого-нибудь хотел...* [9].

Такую же тенденцию мы наблюдаем и при анализе номинационных рядов других членов этой семьи: *Катерина, Петровна, Катерина Петровна, Катерина Петровна Потылицына; Ваня, Ванюха, Иван Ильич, Иван Ильич Потылицын; Василий, Вася, Василий Ильич; Маня, Маня-Манечка* и т.д.

Для героев, которые появляются в тексте редко, именование осуществляется в зависимости от специфики ситуации и принадлежности к той или иной социальной группе.

Высокой частотностью употребления в повести (39% от мужских личных имен и 32% от женских) характеризуются личные имена, образованные от полной или краткой формы имени с помощью уменьшительного суффикса -к(а). Такие качественные формы имен часто свидетельствуют о достаточно юном возрасте названных лиц по сравнению с главным героем и его друзьями и, соответственно, определяют место в социальной иерархии в кругу подростков: *По-щенячьи взвизгивая, чего-то крича в бестолковом восторге, хватаясь за старших сестер, несясь слепо девчонки помладше: Лидка Боброва, Люба Верикова, Шурка Юшкова, Танька дяди Левонтия, скоковские и верехтинские. И не зная никаких игр и забав сестренки с топотом, вроссыть бросались по углам...* [9] Такие формы могут также указывать на дружеские, доверительные отношения: 1. *Забравши удочки, мы с Алешкой сделали вид,*

будто отправились удить к покотине, и бабушка отпустила нас, не подозревая тайного умысла [9]. 2. *Я бегаю глазами по фотографии: вот Васька Юшков, вот Витька Касьянов, вот Коляка-хохол, вот Ванька Сидоров, вот Нинка Шахматовская, ее брат Саня...* [9].

Однако суффикс -к(а) в системе русского языка имеет не только уменьшительно-ласкательное, но и уничижительное значение, что в полной мере проявляется и в разговорных формах имен. Положительные или отрицательные коннотации, возникающие при этом у читателя, зависят от образа, раскрывающегося в повести, от контекста, отношений героя с другими персонажами и т.д. Например: 1. *Летом бабушка с другими старухами выйдет на завалинку, и вот они судят, вот они судят: и дядю Левонтия, и тетку Васеню, и Авдотьину девицу Агаишку, которая принесла дорогой маме подарочек в подоле* [9]. 2. *Апронька бегает, дрищет да копейку зашибает* [8].

В повести существуют действующие лица, для именования которых используется только одна форма имени, включающая в себя противоположные прагматические значения. Так, например, Васина и Любы дочь на протяжении всего повествования зовется только Катенькой. Уменьшительно-ласкательная форма имени используется для передачи положительной субъективной оценки этой героини, поведение которой вызывает у окружающих симпатию и умиление: *Катенька взобралась на крыльцо, будто на сцену... Подхалимский стишок произвел такое впечатление на всех собравшихся и особенно на бабушку, что я не могу этого и описать. ...Со щедрой отчаянностью она высыпала все до единой конфетки в карманчик Катенькиной матроски, всю ее исцеловала, а дядья и тетки так хвалили Катеньку, такие о ней хорошие слова говорили, что чуть было и меня не проняли* [9]. При этом та же самая форма имени в отношении Катеньки используется детьми-подростками с ироничным, язвительно-насмешливым оттенком: *Катенька... Они тоже терпеть не могли, чтобы девчонки держали в чем-нибудь верх и пуще них глянулись бабушке* [9].

Следует отметить, что в некоторых случаях автор сам объясняет, почему его героя или героиню называют именно так, а не иначе. Например: 1. *Звали ее Авдотьей, но на селе знали как Дуню, потому что до взрослого бабьего звания она здесь не дотянула* [8]. 2. *Без жень, тихой, терпеливой, умевшей укрощать*

смирением даже такой пылкий характер, каков был у ее муженька, а главное, вести хозяйство, сводить концы с концами, – *Шимка* одичал и запил ... из Ефима превратился в Шимку, да с тем званием и дни свои кончил [9]. 3. Между тем сам большевик Болтухин и его жена *Екатерина*, *Катькой* все привычно ее кликали, жили как ни в чем не бывало [8]. 4. «*Порченный*», – решили мы единогласно, и такое ему прозвище от нас и прилипло [8].

Все перечисленные выше особенности имен свидетельствуют о создании автором определенного рода знаковой системы, особого авторского кода, который не только воплощает авторские замыслы, имеет идейно-эстетическое наполнение, но и является социосемиотическим объектом, хранящим и передающим информацию о социальном пространстве, времени и определяющим человеческое поведение и взаимодействие.

Однако мы считаем, что текст художественного произведения способен актуализировать определенные компоненты плана содержания не только антропонимов, но и апеллятивов, в результате чего возникают также ассоциации, тесно взаимосвязанные с социальной и культурной сферами реальной действительности.

В повести В.П. Астафьева «Последний поклон» только количественный анализ апеллятивных именованных выявляет социокультурные ценности жителей описываемой деревни. Единично встречаются и, тем не менее, характеризуют жизнь и эпоху такие номинации, как *колхозник*, *конвоир*, *каторжанин*, *комиссар*, *кровопивцы*, *уполномоченный*, *коммунист*, *ликвидаторы*, *активист*, *грамотеи* и под. Важно отметить значение лексемы *ликвидаторы*, которое у современного читателя ассоциируется с ликвидаторами Чернобыльской аварии, т.е. имеет абсолютно положительную коннотацию, но в повести жители деревни ликвидаторами называют тех, кто раскулачивает зажиточных крестьян. Как точно найдено автором (или самими людьми) слово, отражающее суть раскулачивания (что в стране поняли только десятилетия спустя): ликвидировать настоящий трудовой элемент деревни, уничтожить их традиции труда, а не пьянства, их семьи, их трудом нажитое благосостояние, их свободу и очень часто – жизнь.

В.П. Астафьев описывает быт трех крестьянских семей – Потылицыных, Астафьевых, Левонтьевских. Главная социальная связь людей деревни – семья, что доказывает количественный анализ апеллятивных именованных темати-

ческого поля «Семья»: лексемы *мама*, *мамка*, *матушка*, *мать* встречаются в повести 84 раза, *семья*, *семейство* – 44, *баба*, *бабушка* – 589 (!), *дедушка* – 72, *дети*, *детка*, *детоньки*, *деточки*, *дитенок*, *дитя*, *дитятко*, *дите* – 56.

При описании семьи Потылицыных преобладают апеллятивные номинации тематического субполя «Родство» с положительной коннотацией: *бабушка*, *дед*, *дедушка*, *внук(и)*, *сестра(ы)*, *дядя*, *дядья*, *племянницы*, *детка*, *деточки* и т.д., что подчеркивает значимость и уважительность родственных взаимоотношений в этой семье. Для изображения «гулевой» семьи Астафьевых используются апеллятивы разных тематических полей, но объединенных отрицательной экспрессией «осуждение»: *мироед*, *деваха*, *девка*, *красавчик*, *плясун*, *хвастун* и т.д. Семью Левонтьевских характеризуют номинации, указывающие на «боевой» нрав семейства, члены которого «умели пропитаться «от земли», ели все, что Бог пошлет, ничем не брезговали и оттого были краснорожие, сильные, ловкие» [9, с. 62]: *орлы*, *охломон*, *мятежник*, *лиходеи*, *заливало* и т.д.

Апеллятивные номинации могут играть важную роль в раскрытии образов героев. Так, например, в повести 4 раза встречается лексема *генерал* в отношении бабушки Екатерины Петровны Потылицыной. В словаре под редакцией Т.Ф. Ефремовой мы находим следующие значения данной лексемы: 1) воинское звание или чин высшего командного состава в армии; 2) лицо, имеющее такое звание или чин; 3) перен. разг. *тот, кто играет ведущую роль в какой-л. области деятельности* [10, с. 301]. Бабушка – волевой человек, пользующийся авторитетом в силу своего возраста и жизненного опыта не только среди родственников, но и среди всех жителей деревни: *Ей некогда все. Родню надо обойти. Указать всем. Генерал!* [9] Однако зачастую люди генеральского склада вызывают у других скрытую зависть в силу ощущения превосходства над ними: – *Поднимется ни свет ни заря и никому спать не дает. Ей чё! Ей дай покомандовать!* – *поддакнула Апроня.*

– *Генерал!* – *вставила Августа* [9].

Интересно использование в повести апеллятивов *астид*, *кровопивцы*, *жиган*, *дурачок*, *окаанный*, *одер*. При использовании данных лексем с изначально отрицательной семантикой в речи бабушки при обращении к внукам, которых она очень любит, происходят своеобразные модификации значения, за счет которых на первый план выступают положительные ассоциативные

значения, связанные с образами непослушных детей, но очень дорогих бабушке: 1. *Как тебя, аспид, занесло туда? – услышал я над собой крик бабушки. Это он, штабы бабушке досадить* [9]? 2. *Она коло него, аспид, вьюном вьется, а он, видали, какие благодарствия бабушке* [9]! 3. *Токо кровопивец этот за порог, оно так и заньло, так и заньло* [9]. 4. *Ну не аспид, не кровопивец* [9]? 5. *Постой-ко, это ведь ты, жиган, сманил его на увал-то! – осенило бабушку* [9]. 5. *Дурачок ты мой, дурачок* [9]! Однако весь контекст их употребления и собственно бабушкина речь создают не только образ ребенка, который стремится быть самостоятельным во всем, несмотря на запреты бабушки, но и образ самой бабушки: как будто слышишь ее мягкие интонации, видишь любовь в глазах, доброту в скрываемой улыбке.

Необходимо отметить, что помимо номинаций отдельных героев, автор создает коллективный образ крестьянского мира сибирской деревни Овсянка, который реализуется в основном через гиперонимические номинации *жители, семейство, молодняк, ватага, компания, люди, людишки, народ, бригада, земляки, селяне* и т.д. или апеллятивизированные онимы *сидоровские, левонтьевские, бобровские, домненские* и т.д.

Как видим, за счет авторского преобразования апеллятивные именованья получают множество специфических семантических коннотаций и, как следствие, порождают ассоциации, тесно взаимосвязанные с социальной и культурной областями реальной действительности, т.е. апеллятивные единицы наряду с ономастическими являются ключевыми словами художественного текста.

Возникшая оппозиция антропоним/апеллятив определяет идею о взаимозаменяемости в речевой цепи и в номинативном ряду относительно одного и того же лица антропонимных и апеллятивных номинаций. Следовательно, можно говорить о том, что литературный образ персонажа формируется при тесном взаимодействии коннотативных и ассоциативных значений как антропонимов, так и апеллятивов, в результате чего номинативные единицы, с помощью которых обозначается персонаж, могут быть способны аккумулировать, кодифицировать и концептуализировать социокультурные феномены, а также «отображать ценностные

ориентиры личности в реальном пространстве языка и культуры» [11, с. 85].

Заключение. Антропонимы, апеллятивная лексика и вариативные формулы номинации лиц в художественном дискурсе образуют единую номинативную систему персонажей, которая является отражением реальных моделей именования, принятых в определенном обществе и детерминированных взаимодействием человека с другими людьми. Такая номинативная система представляет собой центральное звено в накоплении и передаче социокультурной информации, что предопределяет ее исключительную значимость для исследования.

Литература

1. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 333 с.
2. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев // Самое само: сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 29–204.
3. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. – 278 с.
4. Горбаневский, М.В. В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. – М.: Знание, 1987. – 208 с.
5. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии: пер. с англ. / Б.О. Унбегаун. – 2-е изд., испр. – М.: Прогресс. Универс, 1995. – 448 с.
6. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
7. Тынянов, Ю.Н. Архаисты и новаторы / Ю.Н. Тынянов. – Л.: Прибой, 1929. – 595 с.
8. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997. – Т. 4: Последний поклон: повесть в рассказах: кн. 3. – 384 с.
9. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997. – Т. 4: Последний поклон: повесть в рассказах: кн. 1–2. – 464 с.
10. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – Т. 1: А – О. – 1232 с.
11. Калинин, В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В.М. Калинин // Логос ономастики [Электронный ресурс]. – 2006. – № 1. – С. 81–88. Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Onomn/2006_1/L1_PDF/Kalinkin1.pdf. – Дата доступа: 03.04.2014.

Поступила в редакцию 26.04.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.